

М. Д. Карпачев

**О ГЕНЕТИКЕ И. Е. ТРОФИМОВЕ,
ЭНТОМОЛОГЕ Н. Н. КОНАКОВЕ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ:
ИЗ ЖИЗНИ БИОЛОГОВ
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА в 1930-е годы**

В 1930-е гг. биологический факультет во многом определял лицо Воронежского университета. После коренной реконструкции 1930—1931 гг. биологам и химикам пришлось принять на свои плечи основной груз возрождения университета, а затем и превращения его в головной и самый мощный по научно-педагогическому потенциалу вуз Центрального Черноземья. После выделения из состава университета педагогического факультета на биологическом факультете остались две кафедры — ботаники, или, точнее, морфологии и систематики высших растений, и зоологии беспозвоночных. Возглавляли их соответственно профессора Б. М. Козо-Полянский и К. К. Сент-Илер, сохранявшие неизменную преданность своему университету. Вскоре, впрочем, удалось развернуть целую серию новых кафедр, руководить которыми стали вновь прибывшие специалисты высокого класса И. Н. Журавлев, П. В. Савостин, А. М. Сигрианский, И. И. Барабаш-Никифоров, Н. Н. Конаков, Я. П. Щелкануцев. В 1933 г. деканом факультета стал Р., специализировавшийся по проблемам дарвинизма и получивший высшую квалификацию уже в стенах ВГУ¹.

К концу последнего предвоенного десятилетия биологический факультет представлял собою крупное подразделение университета. В его состав входили творческие коллективы 8 кафедр, на которых разрабатывались актуальные проблемы изучения фауны и флоры Центральной России, велась успешная подготовка квалифицированных специалистов. Факультет располагал вполне достойной материальной базой. Научные изыскания осуществлялись на гидробиологической станции, расположенной в Ковдском заливе Белого моря и принадлежавшей факультету с 1921 г. В 1937 г. был создан ботанический сад, площадью около 80 га. В том же году в распоряжение факультета перешла Жировская биостанция, действовало несколько лабораторий, три музея — ботанический, зоологический и эволюции животного мира. Координацией исследований занимался научно-исследовательский институт биологии, имевший обширную программу работ. Сотни

выпускников факультета направлялись в отрасли народного хозяйства, культуры и просвещения². Число студентов дневного отделения приближалось к 400. Устойчиво функционировала аспирантура.

Решающую роль в подъеме престижа университетских биологов играли труды К. К. Сент-Илера, Б. М. Козо-Полянского, И. И. Барабаша-Никифорова, Н. А. Успенского, Н. П. Дубинина, П. В. Савостина, Д. Ф. Петрова и других профессоров. Некоторые из сотрудников биофака начинали свою карьеру еще в стенах Юрьевского университета.

Однако успешное в целом развитие университета омрачалось трудностями. Все более острой становилась жилищная проблема. На ряде кафедр не хватало специалистов высшей квалификации, приглашать же ученых из других городов становилось все сложнее. С большими сложностями удалось зарезервировать квартиру для переехавшего из Саратова заведующего кафедрой зоологии позвоночных животных И. И. Барабаша-Никифорова, но такой удачный исход дела становился редкостью. В стесненных условиях находились лаборатории и кафедры, не хватало современного оборудования. Тяжелый ущерб коллективу университета нанесли политические репрессии, маховик которых во второй половине 1930-х гг. раскручивался с нарастающей силой. Борьба за установление идеологического однообразия и тотального подчинения всех форм общественной жизни партийному контролю вылилась в беспощадное искоренение любой (явной или мнимой) оппозиции. Десятки университетских администраторов и ученых подверглись политическим гонениям, причем большинство так называемых «врагов народа» было физически уничтожено.

Откровенная политизация пронизывала все направления учебной и научной деятельности университета. Вот как, в частности, определялась администрацией, ученым советом и парткомом программа работы университета на 1939 г.: «Повысить идейно-политический и научный уровень подготавливаемых кадров, организовать правильное коммунистическое воспитание студентов, вырастить активных строителей коммунизма, специалистов-патриотов, до конца преданных великим идеями Ленина—Сталина, бороться за передовую науку, которая беззаветно служит народу, выращивать смелых деятелей науки — вот центральная задача университета»³. Дежурные заявления такого рода на многие годы становились неременным атрибутом официального делопроизводства. Любые отклонения от «центральной задачи» расценива-

лись как идеологические диверсии против советской власти. Поскольку же в университетском сообществе всегда находились строптивые поклонники независимого научного творчества, постольку к основным направлениям деятельности относилась в конце 1930-х гг. и неприменная борьба за ликвидацию «последствий вредительства» в университете⁴. В ходе такой борьбы было сломано немало судеб одаренных специалистов. От репрессий погибли четыре директора ВГУ (П. Ф. Сапожников, И. П. Подволоцкий, А. Я. Норин, А. Л. Щепотьев), ученые М. Н. Крашенинников, А. Н. Татарчуков, Я. А. Ратгаузер, Д. М. Алпатов, А. Ф. Лисицын и многие другие профессора и доценты.

Как правило, репрессиям подвергались ученые, во взглядах которых замечались отклонения от генеральных установок партийного руководства. В этом случае в подразделениях университета нередко проходили жесткие идеологические проработки, после которых сторонники того или иного уклона исчезали, подчас навсегда. Но случались и осечки, каждая из которых становилась ярким свидетельством глубокого драматизма и внутренней противоречивости переживавшейся страной эпохи. Одна из таких историй осенью 1937 г. произошла на биологическом факультете, а ее основными героями стали доценты И. Е. Трофимов и Н. Н. Конаков. Оба, по мнению университетского руководства, допустили в своей научной и педагогической деятельности грубые ошибки, ставшие предметом жесткого публичного разбирательства, причем для первого из них дело едва не закончилось трагедией.

Иннокентий Евгеньевич Трофимов приехал в Воронеж в начале 1934 г., получив назначение после окончания аспирантуры в Зоологическом институте МГУ. В те годы такой приезд был делом обычным: значительная часть преподавательского состава ВГУ пополнялась за счет специалистов, прибывших из других научных и учебных центров. Родился И. Е. Трофимов в 1903 г. в селе Абаканском (ныне г. Абакан Красноярского края). По собственному признанию, он был родом из середняцкой крестьянской семьи. В 1926 г. окончил биологическое отделение педагогического факультета Иркутского государственного университета. Имея несомненную склонность к научным исследованиям в области генетики, он, в конце концов, поступил в столичную аспирантуру. Его научным наставником был крупный специалист в области генетики Н. К. Кольцов. Сам Трофимов проявил себя как способный и творчески мыслящий исследователь. В начале 1930-х гг. он начал самостоятельную исследовательскую

деятельность и был зачислен в отдел генетики руководимого Кольцовым Института экспериментальной биологии. Отдел же генетики возглавлял тогда выдающийся исследователь, впоследствии академик, Н. П. Дубинин. Со второй половины 1930-х и вплоть до 1948 г. руководство отделом в академическом институте Дубинин совмещал с должностью профессора Воронежского университета. В своих воспоминаниях он называл имя Трофимова в числе наиболее ярких представителей молодого поколения отечественных естествоиспытателей⁵. В Воронежском университете И. Е. Трофимов возглавил кафедру генетики и селекции животных. Решение о создании такой перспективной кафедры было принято как раз в 1934 г. По сути дела, молодой доцент стал ее организатором и первым руководителем.

Почти четыре года прошли в деятельных хлопотах по устройству нового подразделения и организации исследований в области генетики. Трудился И. Е. Трофимов вполне успешно. 22 декабря 1935 г. Ученый совет ВГУ заслушал вопрос о состоянии работы кафедры генетики животных. Ее руководитель доложил, что за два года удалось ввести в действие специальное оборудование стоимостью почти в 20 тыс. р., а также приобрести импортные приборы и технику на сумму в 1105 золотых рублей. Правда, отдельных видов оборудования не хватало, в частности специальных микроскопов, рисовальных аппаратов, микрометров, парафиновых бань. Тем не менее кафедра сумела начать свою программу специализации; количество студентов-генетиков на IV и V курсах составило 42 человека. Коллектив кафедры насчитывал 4 человека, включая одного доцента, одного ассистента, одного лаборанта и одного технического работника. Вскоре была принята на должность доцента молодая исследовательница Е. Д. Постникова, также завершившая подготовку диссертации в аспирантуре МГУ. Некоторые специалисты приглашались для работы на кафедре со стороны. Тщательно проанализировав положение дел, ученый совет счел, что «за сравнительно короткий срок своего существования кафедра сумела провести большую организационную и научно-педагогическую работу и вышла в ряд вполне оформившихся и укрепившихся кафедр университета»⁶. Предстояла серьезная работа. Но 28 октября 1937 г. заведующий кафедрой был неожиданно арестован и помещен во внутреннюю тюрьму Воронежского управления НКВД. Руководство университета немедленно объявило, что чекистами разоблачен очередной «враг народа».

Арест И. Е. Трофимова был обусловлен прежде всего поли-

тическими причинами и, с учетом складывавшейся в биологической науке обстановки, не казался случайным. Во второй половине 1930-х гг. высшее партийное руководство страны во главе с И. В. Сталиным взяло курс на всемерную поддержку теорий «народного академика» Т. Д. Лысенко, пытавшегося доказать, что советские биологи в интересах социалистического строительства могут радикальным образом менять природу растений. Научная критика исследовательских методов Лысенко была объявлена классово чуждой, а потому заведомо враждебной политике социалистического государства. В духе того времени необоснованным политическим репрессиям подверглась целая плеяда талантливых отечественных генетиков (академик Н. И. Вавилов, И. И. Агол, С. Г. Левит, М. Л. Левин и многие другие).

У Трофимова осложнения начались вскоре после его возвращения с декабрьской (1936 г.) сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. В стенах ВГУ он выступил перед членами областного общества естествоиспытателей с докладом об итогах сессии, главным вопросом которой было обсуждение «новаторских» идей Т. Д. Лысенко. По мнению некоторых участников этого собрания, заведующий кафедрой генетики преуменьшил значение научных достижений «народного» академика и допустил сомнения в великих возможностях социалистической биологической науки изменять в лучшую сторону наследственные признаки зерновых культур. В общем позитивно оценив доклад Трофимова, декан биологического факультета Р. в то же время отметил, что выдающиеся заслуги Лысенко не были выделены в нем с должной силой. Во всяком случае именно так Р. сообщил об этом следователям НКВД⁷. По мнению декана, докладчик без надлежащего пиетета отнесся к достижениям учения И. В. Мичурина — Т. Д. Лысенко, что, конечно, свидетельствовало о методологической и политической неустойчивости молодого руководителя университетских генетиков.

В те годы даже намеки на независимость научного мышления при желании легко можно было трактовать как проявления классовой борьбы. Руководители факультета начали пристально следить за педагогической деятельностью Трофимова и очень скоро (в марте или апреле 1937 г.) получили сигналы от отдельных студентов, что в лекциях по генетике животных «протаскиваются» правые, троцкистские и иные враждебные советскому строю идеи. Постепенно против Трофимова начала разворачиваться кампания ожесточенных нападок за отход от диалектико-матери-

алистической методологии. Поскольку борьба с вредительством «врагов народа» оставалась важнейшей политической задачей, постольку руководство университета решило уделить особое внимание положению дел на биологическом факультете. В печати появились сообщения о том, что к заведованию кафедрой генетики и селекции животных привлечена профессор зооветеринарного института О. А. Иванова⁸.

Трофимов не был членом коммунистической партии. Поэтому было решено устроить публичный разбор его деятельности на специальном заседании месткома, состоявшемся 28 октября 1937 г. В качестве главного обвинителя выступил декан. Он заявил, что длительное время по поручению парткома лично наблюдал за деятельностью Трофимова, «все лето проверял сигналы, беседовал со студентами». В итоге декан выдвинул шесть пунктов обвинения. Прежде всего его крайне возмущал факт прохладного отношения заведующего кафедрой к политзанятиям в системе университетского партийного просвещения. «Я должен заметить, — заявил декан, — что на фоне той огромной работы, которую сейчас ведет вся наша партия, весь СССР, все наши общественные организации в разделе борьбы за овладение большевизмом, факт игнорирования такого вида работы не может быть пройден мимо, общественность обратила на него внимание»⁹.

Вторым тяжким грехом Трофимова Р. назвал отрицательное отношение к идеям Мичурина—Лысенко. Такая позиция, считал декан, не может быть объяснена иначе «как система определенных взглядов», которую Трофимов воспринял в период обучения у профессора Кольцова и его школы¹⁰. Третье прегрешение состояло в том, что Трофимов, по мнению Р., неправильно трактовал вопрос о взаимоотношении плазмы и ядра в передаче наследственности. Генетик считал, что ядро играет преобладающую роль, а это, утверждал декан, и есть проявление осужденного сторонниками Лысенко вейсманизма. Советские селекционеры должны исходить из того, что с помощью внешних влияний они могут воздействовать на протоплазму и таким путем «воспитывать» растения по заданным параметрам. Четвертый упрек был также не из легких. Он состоял в том, что в одной из последних статей Трофимова Р. обнаружил ссылку на сочинения И. И. Агола, уже арестованного московского генетика. По нормам того времени о трудах «врагов народа» следовало немедленно забыть, их работы подлежали изъятию из библиотек, и ссылаться на них категорически запрещалось. Тро-

фимов же, замечал декан, занимается «протаскиванием» врагов народа как научных авторитетов. Пятая вина генетика заключалась в том, что он якобы плохо увязывал тематику своих исследований с задачами социалистического строительства. Наконец, шестой упрек был связан с особенностями характера — «это известная замкнутость тов. Трофимова»¹¹. По всей видимости, декан считал, что в советском вузе хорошо работать может только жизнерадостный энтузиаст.

Ошеломленный Трофимов хорошо понимал, чем может обернуться для него начавшаяся кампания. Поэтому он встал на путь «чистосердечного» признания допущенных ошибок. Он заявил, что действительно плохо посещал политзанятия. По его словам, он надеялся освоить основы марксизма-ленинизма самостоятельно. Согласился он и с другими упреками и обещал немедленно исправить допущенные промахи. Однако в принципиальном для себя вопросе о роли ядра в передаче наследственных признаков решил не отступить и заявил, что в пользу взглядов о наследственном значении плазмы имеются всего 2—3 факта, тогда как в пользу хромосомной теории наследственности — десятки тысяч¹².

Стоит заметить, что не все участники заседания осуждали Трофимова. Весьма энергично поддерживала его Е. Д. Постникова. Ученица профессора Н. П. Дубинина, она напомнила о том, что заведующий кафедрой генетики неизменно носил звание ударника. И это не мешало ему и его коллегам критически относиться к «новаторству» некоторых селекционеров. «Раньше, — признавала Постникова, — у нас на кафедре говорили про Лысенко: “Ему бы надо поучиться генетике”». В ответ последовала гневная реплика секретаря парткома Д. В. Чигарева, указавшего на недопустимость таких высказываний. Как можно приглашать Лысенко «поучиться генетике», возмущался секретарь, когда народный академик стал орденосцем, отмечен государством как выдающийся генетик и селекционер, а его идеи одобрены ЦК партии!¹³. Но в итоге собравшиеся все же учли «чистосердечное» признание Трофимова. Тон покаяния подействовал на большинство собравшихся и к «организационным выводам» профсоюзное собрание решило не прибегать. Дело ограничилось разбором и осуждением ошибок генетика. Тем неожиданней стал его арест.

Иной характер носило рассмотрение прегрешений второго провинившегося биолога. Как заявил декан, на биофаке есть «научные извращения», к которым оказался причастен заведую-

щий кабинетом энтомологии, специалист по луговому мотыльку Н. Н. Конаков. Исследования этого ученого отличались неплохой результативностью. Еще в октябре 1935 г. ученый совет ВГУ вынес решение о присуждении Конакову ученой степени кандидата биологических наук без защиты диссертации и обратился в Наркомат просвещения с ходатайством об утверждении этого решения¹⁴. Но в связи с организацией Высшей аттестационной комиссии решение о присуждении ученой степени затянулось. А осенью 1937 г. над энтомологом нависли тучи. С разоблачениями этого ученого выступил председатель месткома С. (вскоре он был назначен на должность заместителя директора университета по учебной работе). Перечень прегрешений оказался настолько внушительным, что эксперты ВАК решили запросить у руководства университета дополнительную информацию о работе Конакова. Директор ВГУ А. Л. Щепотьев в декабре 1937 г. направил во Всесоюзный комитет по делам высшей школы письмо, в котором сжато излагались те обвинения, которые были выдвинуты председателем месткома и которые обсуждались на собрании научных работников в одно время с претензиями в адрес Трофимова.

В письме директора говорилось, что Воронежский университет снимает ходатайство об утверждении Конакова в ученой степени кандидата наук и о присвоении ему же ученого звания профессора. Снятие ходатайства, писал директор, объясняется тем, что доцент Конаков в своей преподавательской работе «допустил за последние годы ряд грубейших идеологических извращений». Выразились они, по оценке дирекции, «в натуралистическом подходе к оценке причин массового размножения насекомых-вредителей в сельском хозяйстве и в недооценке агротехнических мероприятий, применяемых в социалистическом сельском хозяйстве». Кроме того, в дипломных работах студентов-энтомологов допускались «фашистские концепции» об акклиматизации человека и о роли метода климатограмм в изучении этого вопроса. В курсе экологии Конаков ссылался на служителей церкви. Но самое грубое «извращение», говорилось в письме, состояло «в антинаучном подходе к объяснению фактов массового размножения насекомых вредителей, выразившемся в привлечении к объяснению этих фактов действия солнечных пятен, а также в замазывании фашистских вылазок проходимца Чижевского»¹⁵. После такого письма ВАК сразу же снял дело Конакова с рассмотрения¹⁶. По иронии судьбы, отправивший порочащие Конакова сведения директор ВГУ сам буквально через не-

сколько дней был арестован и вскоре расстрелян как участник право-троцкистской оппозиции.

Казалось, что Конаков пострадал гораздо больше Трофимова. Принятые против него жесткие меры можно объяснить тем обстоятельством, что в отличие от Трофимова он решительно отказался признать за собой какие-либо идеологические ошибки. Поэтому собрание, а вслед за ним и дирекция, сочли, что оставлять его без наказания нельзя. Но очень скоро положение резко и парадоксальным образом изменилось. Органы политического сыска внимательно отслеживали ситуацию в вузах Воронежа. И, естественно, тщательно изучали содержание политических обвинений, родившихся в среде самих ученых. Дело Трофимова неожиданно оказалось для местных чекистов гораздо более перспективным. По полученной Воронежским управлением НКВД информации арестованные в столице ученые-генетики упоминали на допросах его имя как участника одной из числа многих «раскрытых» контрреволюционных групп. Такого рода показания дал, в частности, молодой исследователь П. Д. Супрун, один из многочисленных учеников Н. К. Кольцова. Во время следствия он заявил, что еще в 1933 г. Трофимов был в группе антисоветски настроенных аспирантов, резко осуждавших социально-экономическую политику ВКП(б). В сочетании с университетскими прегрешениями такой факт представлял собой звено в цепи непрерывной контрреволюционности. Поэтому в местном управлении НКВД решили, что Трофимов должен быть арестован.

В университете известие об этом событии большого потрясения не вызвало. Случай с арестом ученого был далеко не единственным. Руководители факультета «самокритично» заявили о том, что они проглядели врага народа и что только благодаря бдительности и зоркости чекистов разоблачена вражеская сущность теперь уже бывшего заведующего кафедрой. От должности Трофимов был немедленно отстранен. Ждать судебного решения в те годы и по таким делам не приходилось. Считалось, что зря чекисты никого не арестовывали. Партийный комитет ВГУ уже в декабре 1937 г. вынес порицание директору А. Л. Щепотьеву за то, что тот «проспал вредительскую деятельность» Трофимова, как, впрочем, и некоторых других «врагов народа»¹⁷.

На первом же допросе в управлении НКВД, который прошел 31 октября 1937 г., выяснилось, что следователи очень хорошо осведомлены о политической подоплеке теоретических разногласий в среде сотрудников биологического факультета. Но вопрос

арестованному был поставлен в самой общей форме: признает ли он свою причастность к контрреволюционной деятельности, поскольку следствие якобы уже располагает данными на этот счет. Трофимов ответил категорическим отрицанием и на этом первый официальный разговор со следствием завершился.

Следующий допрос состоялся почти через год — 8 сентября 1938 г. За истекшие месяцы следователи упорно готовились к составлению обвинительного заключения против генетика, на основании которого можно было бы применить по отношению к нему печально знаменитую 58-ю статью. Прежде всего Трофимову предъявили выписку из протокола допроса аспиранта П. Д. Супруна от 8 февраля 1934 г., из которого следовало, что тот лично завербовал в контрреволюционную террористическую группу несколько молодых ученых, в том числе и Трофимова, являвшегося тогда аспирантом научно-исследовательского института. Эта группа, по словам Супруна, была недовольна материальными лишениями простых тружеников. При этом народную бедность участники группы объясняли результатами коллективизации и форсированными темпами индустриализации¹⁸.

Трофимов снова решительно отрицал свою причастность к каким-либо контрреволюционным группам и назвал показания Супруна ложными. Тогда в деле появляется датированное 8 февраля 1938 г. показание арестованного к тому времени бывшего директора ВГУ А. Л. Щепотьева. «Активным контрреволюционером, — сообщал Щепотьев, — является доцент по кафедре генетики Трофимов, который категорически и в демонстративной форме отказывается от какой бы то ни было общественной работы и повышения своего политического уровня». Был в показаниях бывшего директора и еще более тяжкий упрек: «Он всячески поносит гениальные исследования Мичурина и Лысенко»¹⁹. Такая оценка считалась следователями вполне достаточной уликой для обвинения в политическом преступлении. Можно не сомневаться, что оказавшийся в положении «врага народа» бывший руководитель университета оговаривал заведующего кафедрой по принуждению. Через два десятка лет А. Л. Щепотьев был посмертно реабилитирован, а дело его признано сфабрикованным.

Но особо важное значение следствие придавало показаниям сослуживцев И. Е. Трофимова. Именно на них и были построены наиболее тяжелые обвинения. 4 сентября 1938 г. подробные показания против генетика дал вызванный в управление НКВД в качестве свидетеля Р. Как заявил декан, Трофимов «грубо

извращал учение о генетике, протаскивая в лекциях и докладах антимарксистские, формалистические тенденции». Затем свидетель в общем повторил все те обвинения, которые он выдвигал против Трофимова на заседании месткома в сентябре 1937 г. Только теперь он отметил, что, как видно, генетик не выполнил своего обещания и не исправил допущенных ошибок, коль скоро он был арестован органами НКВД. О том, что изменить теоретические позиции за несколько недель свободы невозможно, Р. даже не обмолвился. В целом он квалифицировал деятельность и убеждения Трофимова как явно антисоветские.

Еще одним важным свидетелем обвинения стал С. — заместитель директора ВГУ по учебной работе. Повторив, в сущности, обвинения Р., С. добавил к прегрешениям Трофимова следующее: «Являясь учеником Кольцова, он не выступал во время пребывания в университете с критикой евгенических взглядов Кольцова, изложенных последним в ряде статей»²⁰.

Однако и после предъявления показаний университетских начальников Трофимов продолжал упорно отрицать свою причастность к контрреволюционной деятельности. Он настаивал на том, что никогда не разделял антисоветских взглядов. Под давлением следствия Трофимов уступил лишь в частном: считаю себя виновным, объявил он после серии допросов, в том, «что до сессии ВАСХНИЛ я не пропагандировал идеи и достижения академика Лысенко». Очевидно, только в тюрьме Трофимов понял, что советский ученый обязан был пропагандировать официально одобренные идеи «народного академика». Правда, он пытался найти оправдание своим «прегрешениям». Во-первых, говорил Трофимов, знакомство с достижениями Лысенко произошло у него довольно поздно (как раз на сессии академии в начале 1937 г.), а во-вторых, он все-таки был специалистом по генетике животных, Лысенко же свои эксперименты проводил главным образом на зерновых культурах.

Пытаясь усилить обвинение, следователи упорно искали и иные компрометировавшие Трофимова сведения. От доцента математического факультета Г. были, в частности, получены данные о том, что генетик допускал антисоветские высказывания в личных беседах. Однажды, сообщил Г., он оказался в одном купе скорого поезда с Трофимовым, и тот в беседе заявил, что в случае одновременного нападения на СССР Германии и Японии нашей стране придется плохо. Математик счел такое суждение антисоветским, пораженческим. По его логике

получалось, что при возникновении подобного конфликта плохо будет не нашей стране, а ее врагам.

Собрав такого рода материалы, следователи предъявили в январе 1939 г. обвинительное заключение. Можно не сомневаться, что если бы они успели составить его несколькими месяцами раньше, судьба Трофимова была бы печальной. Пресловутые «тройки», внесудебные карательные учреждения, созданные после убийства С. М. Кирова, по таким делам почти автоматически выносили самые свирепые приговоры, вплоть до высшей меры наказания. Однако воронежскому генетику сильно повезло. В ноябре 1938 г., вскоре после ареста Н. И. Ежова, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление, по существу, притормозившее действие механизмов массового террора. «Тройки» были ликвидированы, в стране восстанавливался прокурорский надзор, а все дела, включая и те, что шли по 58-й статье, передавались на рассмотрение судебных учреждений. Именно поэтому дело Трофимова в апреле 1939 г. было принято к рассмотрению Воронежским областным судом.

По всей видимости, общее смягчение внутривнутриполитической обстановки после устранения «ежовщины» решающим образом повлияло на решение областного суда. Заслушав обвинительное заключение и объяснения Трофимова, суд пришел к выводу, что собранных доказательств виновности явно недостаточно. Дело было направлено в управление НКВД на доследование. Здесь обстановка также изменилась. Были арестованы, а затем и расстреляны руководители Воронежского управления НКВД П. А. Коркин и К. Е. Денисов, обвиненные в причастности к ежовским злоупотреблениям. Изменился состав следователей. Принявший дело Трофимова сержант госбезопасности В. В. Иванов решил, что обвинению действительно не хватает качественной аргументации. Поэтому он счел необходимым создать комиссию, способную дать квалифицированное заключение об учебной и научной деятельности университетского генетика. В состав комиссии были включены опытные и компетентные ученые: профессор медицинского института И. С. Смычников, профессора ВГУ П. В. Савостин и Н. П. Дубинин, а также доцент лесотехнического института Г. И. Габов.

Экспертам были предложены три вопроса: «поносил» ли в своих работах Трофимов труды И. В. Мичурина; «протаскивал» ли он в своих публикациях антисоветские идеи; пропагандировал ли генетик среди студентов антимарксистские взгляды и извращал ли при этом учение академика Лысенко. Комиссия работала

весьма оперативно. Она изучила 11 научных работ Трофимова, три студенческих конспекта с записями его лекций, программу подготовленного им курса лекций по генетике, стенограмму заседаний месткома Воронежского университета, некоторые другие документы. Уже 23 мая 1939 г. комиссия подготовила заключение по представленным материалам.

Надо отдать должное экспертам. Они проявили гражданское мужество и, по существу, спасли едва не погибшего генетика. Прежде всего, авторы заключения выразили решительное несогласие с обвинениями во враждебных замыслах своего коллеги. «Научные работы И. Е. Трофимова, — подчеркнули они, — представляют собой экспериментальные исследования по вопросам цитологии и генетики, посвященные ряду проблем науки». В них, заявляли члены комиссии, вообще не ставятся политические вопросы, нет в них и явных следов общих дискуссий идеологического характера. Из студенческих записей следует, что опальный доцент вполне добросовестно излагал как взгляды Лысенко, так и его научных оппонентов. В целом же, говорилось в акте, «конспекты лекций не дают никакого материала для обвинения И. Е. Трофимова в извращении учения академика Лысенко». Записи студентов свидетельствуют, отмечали эксперты, что лектор придерживался материалов, содержащихся в распространенном университетском учебнике по генетике «Синнет и Ден», в учебнике для педагогических вузов «Натали» и др. Ничего предосудительного в этих учебниках нет, подчеркивали эксперты. «Экспертная комиссия считает, — резюмировало заключение, — что все основные обвинения, выдвинутые Р., не подтверждены никакими документами»²¹.

Члены комиссии сочли, что политического криминала в научной позиции Трофимова нет. В его трудах не было ничего, кроме спорных вопросов науки, которые, однако, вполне могли привести к гибели перспективного ученого. «Р., — говорилось в заключении, — квалифицирует признание за ядром большей роли в наследственности (сравнительно с плазмой клетки) как грубое методологическое, т.е. антимарксистское извращение. Экспертная комиссия отмечает, что вопрос о роли разных элементов клетки является предметом конкретных экспериментальных исследований и по сей день эта проблема обсуждается на страницах советской научной печати»²².

Появление такого заключения свидетельствовало о том, что в деле Трофимова произошел решительный поворот. Почувствовав изменение ситуации, Р. на допросе 4 июня 1939 г. вынужден

был признать, что обвинял Трофимова в антисоветской деятельности «по недосмотру». За относительно короткий срок это был уже не первый крупный политический промах декана. На судебном заседании Трофимов объяснил чрезмерную агрессивность Р. как своеобразную демонстрацию бдительности со стороны проштрафившегося коммуниста. Дело заключалось в том, что осенью 1937 г. декан биофака неожиданно получил строгий выговор по партийной линии и при этом мог считать, что еще легко отделался. Вся вина его состояла в том, что в течение нескольких лет он был дружен с секретарем парткома университета Н. П. Езепенко. Когда последнего решили перевести в аппарат Воронежского обкома партии, Р. в качестве члена парткома ВГУ подписал своему другу положительную характеристику. А вскоре Езепенко был арестован, необоснованно обвинен пресловутой «тройкой» в причастности к право-троцкистской оппозиции и осужден как враг народа на 10 лет заключения в ГУЛАГе. Вот за дружеские связи с «врагом народа», за дачу ему положительной характеристики и за потерю бдительности Р. сам попал под огонь жесткой партийной критики²³. Очевидно, что в тот отрезок своей жизни декан биофака пережил сильный стресс, и это обстоятельство следует учитывать при оценке сложившейся в университете ситуации. Кроме того, действовал Р., как считал он сам, в духе последних требований парторганизации ВГУ. Одна из резолюций того времени прямо указывала: «Основной задачей парткома поставить борьбу за выкорчевывание остатков вредительской деятельности врагов народа, долгое время орудовавших в университете»²⁴.

Между тем 4 июля 1939 г. прошло заключительное заседание областного суда по делу Трофимова. Суд рассмотрел материалы следствия, включая выводы экспертной комиссии. В качестве свидетелей на заседании выступили сотрудники биологического факультета К. В. Скуфьин, Н. Н. Конаков, П. В. Савостин, Н. А. Успенский. Все они заявили о том, что никаких признаков контрреволюционной деятельности у Трофимова не замечали. Лишь математик Г. снова вспомнил о сомнительных разговорах с генетиком в поезде. В конце концов судебное рассмотрение завершилось чрезвычайно редким в те годы приговором: доцент И. Е. Трофимов был полностью оправдан ввиду отсутствия в его действиях состава преступления.

Проведя без малого два года в тюремном заключении, ученый-генетик мог тем не менее считать свой жребий счастливым. Ни о каких компенсациях в ту пору не могло быть и речи. Тро-

фимов вернулся на кафедру генетики и селекции животных. Правда, заведующим этой кафедры стал профессор Н. П. Дубинин, избранный ученым советом ВГУ по конкурсу в марте 1938 г. При этом основное место работы Дубинина оставалось в Москве, в структурах Академии наук СССР²⁵.

После возвращения в ВГУ Трофимов трудился вполне успешно. В 1940—1942 гг. он был достаточно заметной фигурой в университетской жизни, входил в состав ученого совета ВГУ, в котором даже занял должность ученого секретаря. По иронии судьбы работать в составе совета ему пришлось вместе с коллегами, как с теми, которые способствовали его аресту, так и с теми, кто помог ему в трудное время. Прямым начальником Трофимова оставался Р., исполнявший по временам должность председателя совета. Вскоре Трофимов был представлен советом университета к ученому званию доцента. Голосование по его кандидатуре было почти единогласным²⁶. К началу Великой Отечественной войны он даже числился докторантом и активно готовился к защите диссертации²⁷.

К сожалению, дальнейшая судьба И. Е. Трофимова пока неизвестна. По некоторым (правда, косвенным) данным он не покинул Воронежа летом 1942 г. и вполне мог погибнуть, оказаться в плену у немцев, либо, что тоже не исключено, согласиться на сотрудничество с ними, т.е. сыграть роль своеобразного воронежского «зубра». Такое предположение высказал, в частности, Р. в своих неопубликованных воспоминаниях. Однако доверять подобным суждениям по понятным причинам трудно. Во всяком случае, Воронежское управление ФСБ сведениями о сотрудничестве Трофимова с немцами не располагает.

С энтомологом Н. Н. Конаковым ситуация сложилась куда менее драматично. Отказавшись признать правоту направленных против него обвинений, он подал жалобу в вышестоящую инстанцию — областной комитет работников науки и высшей школы. Здесь он неожиданно нашел поддержку. На позицию руководителей профсоюзного обкома, несомненно, повлияли последние указания высшего партийного руководства. Внутриполитическая обстановка в стране в очередной раз изменилась. Состоявшийся в январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) обсудил вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Маятник сталинской политики качнулся в другую сторону: теперь партия не призывала к беспощадному искоренению

врагов народа, а, напротив, требовала привлекать к суровой ответственности «клеветников и карьеристов, порочащих честных коммунистов», и осуждала огульное исключение людей, допустивших незначительные проступки²⁸. К началу 1938 г. с уклонами в партии и обществе было, в основном, покончено, и машина репрессий явно сбавляла обороты. Местные власти получили указание быть внимательными к апелляциям и жалобам²⁹.

Заседание месткома для вторичного рассмотрения вопроса о методологических извращениях в научно-педагогической деятельности Конакова состоялось 16 февраля 1938 г. Сохранившиеся в архиве материалы этого заседания живо отражают остроту идеологических споров среди университетских биологов. Поскольку дело вернулось на повторное рассмотрение, местком решил и в этом случае создать комиссию для подготовки заключения об обоснованности претензий к энтомологу. По инициативе председателя месткома М. В. Леонова (сменившего С. в этой должности) в состав комиссии были включены авторитетные специалисты: старейший профессор К. К. Сент-Илер и два молодых доцента — биолог К. В. Скуфьин и химик А. С. Тихонов. Этой комиссии также пришлось изучить конспекты лекций по курсам экологии и зоогеографии, программы, а также дипломную работу одной из учениц Конакова.

Общий вывод комиссии оказался не в пользу позиции заместителя директора. «Нужно прямо сказать, — заявил, например, Тихонов, — что те обвинения, которые были предъявлены тов. Конакову, были преувеличены, а в некоторой части утрированы». Энтомолога обвиняли в том, что при оценке причин массового размножения насекомых-вредителей он допустил недооценку агротехнических мероприятий, ограничившись натуралистическими объяснениями, вроде указаний на циклы солнечной активности. Упрек по тем временам был тяжелый. Если ученый считает, что вредители сельскохозяйственных культур в советских хозяйствах могут развиваться по сугубо природным причинам, значит, его взгляды вполне можно трактовать как недооценку огромных возможностей социалистического строя.

Комиссия сочла, что данное обвинение не имело под собой достаточных оснований. Больше того, подчеркнули эксперты, в своих статьях Конаков сам критикует некоторых исследователей за недооценку значения агротехнических мероприятий. Следующий пункт обвинения состоял в том, что в дипломных работах, писавшихся под руководством Конакова, допускались «фашист-

ские концепции об акклиматизации человека и о роли метода климатограмм в изучении этого вопроса». И этот упрек был совсем не из шуточных. Утверждение «единственно верного» диалектико-материалистического метода познания требовало от исследователей признания того, что основным фактором социального развития мог быть только тип производственных отношений, а главным двигателем их развития — классовая борьба. Ученики же Конакова допускали, что большое воздействие на жизнь общества могли иметь и природно-климатические условия. Такая вольность воспринималась его обвинителями как недопустимая ревизия марксизма и даже как проявление расизма и фашизма. Эксперты и здесь не нашли злого умысла. Они установили, что «неправильные» выражения попросту списаны одной из учениц Конакова из распространенного в те годы учебника по основам экологии. Конечно, ошибки учебника руководитель должен поправлять. Но в этом случае вину Конакова должны были разделить члены государственной экзаменационной комиссии. Оказалось, что автору крамольной работы была на защите выставлена отличная оценка, причем в состав комиссии входили и обвинители Конакова! «Не снимая вины с Конакова, — говорилось в заключении, — комиссия добавляет: куда смотрела государственная квалификационная комиссия, когда принимала работу?»³⁰ Виновность энтомолога выглядела при такой трактовке не большей, чем у его оппонентов.

Рассмотрели эксперты и обвинение Конакова в «замазывании фашистских вылазок проходимца Чижевского». Как считали обвинители, это было тяжелое прегрешение. Научные взгляды А. Л. Чижевского, в первую очередь его идеи о влиянии природно-климатических изменений на социальную жизнь, были в те годы официально объявлены враждебными советской науке и за их — прямую или косвенную — поддержку легко можно было попасть в тяжелую опалу. Беря энтомолога под защиту, члены экспертной комиссии заявили, что в его лекционных курсах они не нашли признаков поддержки воззрений Чижевского. Долго вчитываясь в путаные студенческие конспекты, комиссия все же не обнаружила в них никакой пропаганды «фашистских» теорий.

Четвертый пункт резолюции осеннего собрания обвинял Конакова в том, что он в курсе экологии ссылался на свидетельства служителей церкви. В лекциях он рассказывал студентам, что солнечные пятна наблюдатели замечали еще в средние века и указывал при этом на летописные свидетельства иерархов церкви. Комиссия сочла, что и это обвинение страдает явным пре-

увеличением. Составленные и хранившиеся в монастырях летописные своды были и остаются важнейшим источником для научных исследований. Можно, замечали эксперты, говорить о спорных суждениях энтомолога или о его методических ошибках, но квалифицировать его взгляды как враждебные советскому строю нельзя. Между тем некоторые руководители университета сами допускают серьезную политическую ошибку, используя сугубо научные споры для нагнетания подозрительности по отношению к нашим ученым. «Решения январского пленума ЦК партии со всей четкостью предупреждают об этом партийные и советские учреждения», — заявил на заседании месткома доцент А. С. Тихонов³¹.

Получив желанную поддержку, Конаков сам перешел в своеобразное контрнаступление. Современные исследователи-марксисты, говорил он, широко используют летописные свидетельства в качестве вполне достоверных источников. «У нас же с легкой руки Б.А. и И.А. летописи кроются на всех заседаниях как ненаучный, антимарксистский материал, который использовать нельзя и за использование которого чуть ли не приговариваются к высшей мере наказания».

Проявив недюжинные качества полемиста, Конаков начал сам упрекать своих обвинителей. «Когда Галилей, — говорил он, — открыл солнечные пятна, посмотрев в телескоп, и доложил об этом, то один бенедиктинский монах заметил по его адресу, что солнце есть глаз Божий, а глаз Божий не может страдать глазной болезнью. С легкой руки этого бенедиктинского монаха появилось учение о том, что солнце — чистое светило, что на солнце не может быть никаких пятен. Так учила святая католическая церковь, и так учат мои «прокуроры». Кто же проповедует поповщину?»³² Легко заметить, что в пылу спора Конаков явно утрировал взгляды своих оппонентов. Они совсем не отрицали наличия солнечных пятен, но считали, что взгляд о зависимости биологии насекомых от солнечной активности враждебен марксизму и тем самым извращали смысл теоретических построений энтомолога.

Страсти накалились до предела. Конфликтную ситуацию попытался разрядить профессор К. К. Сент-Илер. В мягкой форме он предостерег Конакова от не критического использования летописных сведений. «Если бы были другие доказательства и в других странах Западной Европы, которая была тогда культурнее тогдашней России, — осторожно замечал ветеран университета, — если бы и там наблюдались какие-нибудь пятна, то мы мог-

ли бы сказать, что подтверждение этого факта имеется». К источникам древности надо относиться осторожно. Историки, например, часто пользуются сведениями из сочинений римского писателя Тита Ливия. Но среди «этих данных вы найдете и такие, что в таком-то городе родился мальчик с телячьей головой, родился ребенок, похожий на тюленя». Поэтому «нельзя давать данные, которые недостаточно квалифицированы как научные данные»³³.

Общий итог повторного рассмотрения состоял в том, что местком не нашел в работах Конакова ни политических, ни методологических ошибок. Наличие же промахов методического характера энтомолог признал сам. Профсоюзный орган, таким образом, брал под защиту своего сотрудника, по отношению к которому руководством университета был проявлен тенденциозный подход. Следовательно, и отказ от ходатайства о присуждении ему ученой степени признавался необоснованным. Такое мнение месткома звучало как обвинение, но теперь уже против не в меру ретивых администраторов. Примечательна реплика, которую бросил член экспертной комиссии А. С. Тихонов: «На одном заводе некоторые работники, добиваясь политической оценки, добились ареста одного работника. После рассмотрения дела его освободили, а тех, кто добивался политической заостренности, — их арестовали»³⁴.

Решение профсоюзного актива было направлено на реабилитацию Конакова. В нем не только отклонялись обвинения в антисоветском содержании его научно-педагогической деятельности, но и ставился перед руководством университета вопрос о возобновлении ходатайства о присуждении ему ученой степени. Конечно, такая позиция месткома понравилась не всем. А прозрачный намек одного из экспертов вызвал большое беспокойство у инициаторов идеологических проработок. За поддержкой они обратились в партком ВГУ. И С., и Р. были его членами и не без оснований надеялись на солидарность товарищей по партийному руководству. Вскоре партком специально обсудил сложившуюся ситуацию и принял постановление, в котором выражалось принципиальное несогласие с решениями месткома. Постановление парткома от 25 февраля 1938 г. гласило: «Указать месткому и его председателю тов. Леонову на ненормальности при разборе дела Конакова, выразившиеся в том, что местком вместо выявления и критики политических ошибок, имевших место в работе и в лекциях Конакова, занялся никому не нужной дискуссией с деканатом биофака и дирекцией по совершенно от-

влеченным вопросам, что привело к смазыванию политической сущности дела и неправильной реабилитации Конакова³⁵». Возникло довольно редкое по тем временам противостояние руководства партийной и профсоюзной организаций, правда, по одному конкретному вопросу.

Впрочем, развития дела не последовало. Ситуация с Конаковым и Трофимовым постепенно разрядилась, и оба они никогда (по крайней мере публично) не вспоминали о случившихся с ними неприятностях. Правда, полной реабилитации Конакову добиться все же не удалось. В июле 1938 г. ученый совет ВГУ принял решение отказаться от возобновления ходатайства о присуждении ему степени без диссертации и обязал энтомолога «представить в дальнейшем одну из его научных работ для публичной защиты на соискание ученой степени кандидата биологических наук»³⁶. Факультет же жил разнообразными заботами: готовил нужных стране специалистов, вел интенсивные научные исследования. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война нарушила его нормальное развитие. На несколько лет утихли и идеологические споры. Но вскоре после великой победы политические гонения против генетиков, к сожалению, вновь дали о себе знать. После печально известной августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ произошел подлинный погром воронежских генетиков. Приказом ректора кафедра генетики была закрыта, а ведущие ученые (профессора Д. Ф. Петров и Н. П. Дубинин, а также доцент Е. Д. Постникова) были из университета уволены с хлесткими формулировками — как пособники «растленной буржуазии»³⁷. Как и в случае с И. Е. Трофимовым, роль одного из главных гонителей университетской генетики взял на себя декан факультета Р. Но эта история достойна самостоятельного сюжета.

¹ Декан биологического факультета Р. учился в Тульском институте народного образования, после закрытия которого в 1923 г. был переведен в Воронежский университет. Здесь он получил высшее образование, окончил аспирантуру, стал кандидатом, а вскоре, после окончания Великой Отечественной войны, и доктором наук. В годы войны выполнял обязанности проректора по учебной работе. Руководил биологическим факультетом до 1960 г. В музее истории ВГУ хранятся его неопубликованные воспоминания «Путь в науку. Автобиографические очерки».

² ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 238, л. 2.

³ Там же, л. 1.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ См.: *Дубинин Н. П.* Вечное движение. Воспоминания. М., 1989. С. 125.

- 6 ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 237, л. 19, 27.
- 7 ЦДНИ, ф. 9353, оп. 1, д. п-445, л. 104.
- 8 См.: За научные кадры. 1937. 29 июня.
- 9 ЦДНИ, ф. 9353, оп. 1, д. 237, л. 103.
- 10 Там же, л. 104.
- 11 Там же, л. 105.
- 12 Там же, л. 109.
- 13 Там же, л. 112.
- 14 ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 237, л. 2.
- 15 Там же, д. 235, л. 2.
- 16 Там же, л. 6.
- 17 ЦДНИ, ф. 412, оп. 1, д. 78, л. 76.
- 18 Там же, ф. 9353, оп. 1, д. п-445, л. 15.
- 19 Там же, л. 21.
- 20 Там же, л. 37.
- 21 Там же, л. 86.
- 22 Там же, л. 82.
- 23 Там же, ф. 412, оп. 1, д. 78, л. 77.
- 24 Там же, д. 80, л. 8.
- 25 ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 237, л. 140.
- 26 Там же, д. 250, л. 12.
- 27 ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 248, л. 85.
- 28 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 21.
- 29 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. 3. С. 314.
- 30 ЦДНИ, ф. 412, оп. 1, д. 89, л. 6.
- 31 Там же, л. 8.
- 32 Там же, л. 12.
- 33 Там же, л. 16.
- 34 Там же, л. 29.
- 35 Там же, д. 86, л. 12.
- 36 ГАВО, ф. 33, оп. 1, д. 234, л. 146.
- 37 Там же, оп. 4, д. 5, л. 86.